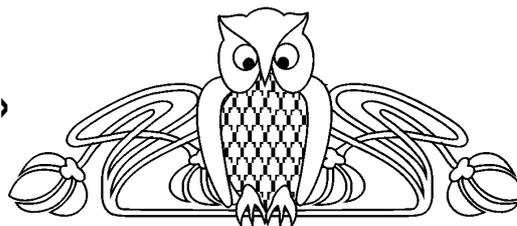

УДК 821.161.1.09-31+821.131.1.09+929[Сологуб+Данте]

Дантовские мотивы в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес»

Н. В. Мокина

Мокина Наталия Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nat.mokina2011@yandex.ru

«Ад» Данте рассматривается в статье как один из прецедентных текстов «Мелкого беса». По мнению автора статьи, дантовские, «адские» коннотации обретают в романе сюжетобразующий мотив *обмана*, а также сквозные мотивы (грязи, болота, слепоты, безумия) и зооморфные сравнения. В целом аллюзии на первую кантику позволяют понять дополнительные аспекты замысла и своеобразие поэтики романа Сологуба.

Ключевые слова: Данте, «Ад», Сологуб, «Мелкий бес», образно-мотивные и сюжетные параллели.

Dante's Motives in the Novel *The Petty Demon* by Fyodor Sologub

N. V. Mokina

Natalia V. Mokina, <https://orcid.org/0000-0002-6314-0823>, Saratov State University, 83 Astrahanskaya St., Saratov 410012, Russia, nat.mokina2011@yandex.ru

The article considers *Inferno* by Dante Alighieri as one of the precedent texts for the novel *The Petty Demon*. The author supposes that Dante's 'infernal' connotations transform in the novel into the motive of *deception* which forms the plot of the novel. The motives that go through the whole novel (of mud, swamp, blindness and madness) as well as zoomorphic comparisons and allusions to the first cantos also reveal other aspects of Sologub's plan and the distinctness of the poetics of the novel.

Keywords: Dante, *Inferno*, Sologub, *The Petty Demon*, parallels in images, motives and plot.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-201-206>

В исследованиях символистской рецепции личности и творчества Данте справедливо отмечена принципиальная роль Вл. Соловьева в актуализации поэтических идей автора «Новой Жизни» и «Божественной Комедии»¹ и формировании «дантова кода», объединяющего символистов разных поколений, несмотря на разность их «образов Данте». Знаками «дантова кода», по мнению Л. Силард, являются «курсирующие» между символистскими текстами дантовские слова-образы (круг, роза, Чистилище, Беатриче, подземное пламя) и символизация образа самого Данте² как поэта-предшественника, прошедшего через посвящение в таинство смерти к познанию божественной Любви.

Это представление о сущности «дантова кода» может уточняться и дополняться в работах

других исследователей³, ибо круг дантовских идей, увлекающих символистов, был более значительным, а пути к дантовскому наследию – более сложными⁴ и нередко – индивидуальными. Для Сологуба-романиста такой путь открывал, думается, Н. Гоголь, его опыт освоения дантовских традиций в «Мертвых душах», где русская жизнь изображалась с «оглядкой на “память смертную”»⁵, а идея духовного воскресения человека, прошедшего через испытания адом жизни, формировала архитектуру⁶.

Сологуб не упоминал имени Данте в своих статьях об искусстве, поэтому, не имея возможности апеллировать к высказываниям самого писателя, попробуем реконструировать (хотя бы в самых общих чертах) путь приобщения его к миру «Божественной Комедии», отразившийся в первых его романах.

В библиотеке Сологуба хранилось издание «Ада» 1896 года⁷. Скорее всего, это был перевод Н. Н. Голованова, отредактированный Ф. И. Буслаевым⁸. Но «Ад», несомненно, был прочитан Сологубом раньше, не позднее первой половины 1890-х гг.: об этом свидетельствуют дантовские мотивы и образы в ключевых эпизодах первого романа Сологуба «Тяжелые сны» (1895), наиболее очевидно – в семи снах главной героини, Анны.

Последовательное упоминание локусов в описании сновиденного пути героини (сумрачной долины, зеленого луга, леса, роши, кладбища, пустыни), мотивы страха и познания неведомого мира, сопутствующие Анне, позволяли понять, что она идет по следам Данте, нисходившего по кругам Ада. Опорные образы и знаковые подробности в описании последних снов, например, образы «угрюмых» деревьев, следящих за героиней, или «свирепых псов»-преследователей, а также упоминания о «багряном» воздухе пустыни и песке «красновато-пепельного цвета»⁹ указывали на то, что сологубовская странница проходит по второму поясу седьмого круга, где томились «насилыники естества» (превращенные в деревья¹⁰ или преследуемые «станицами псиц голодных, черной масти»¹¹), и завершает свой путь в третьем поясе седьмого круга, где под огненным дождем, воспламеняющим песок пустыни, терпят муки «насилыники над божеством»¹². В целом дантовские образы и мотивы открывали подлинный сюжет семи сновидений как хождения Анны по безднам подсознания ее избранника, Логина, по «адским кругам» его греховных желаний и как духовного испытания самой героини.

В «Мелком бесе» аллюзии на первую кантику Данте значительнее: дантовские мотивы и образы не локализируются в отдельных эпизодах, а устойчиво сопутствуют повествованию о героях. Причем объемность и функции дантовского «слоя» свидетельствуют не только о восприятии Сологубом сюжетных коллизий «Божественной Комедии» как «источников нового творчества» (говоря словами писателя¹³), но и о творческом влиянии. Думается, этические взгляды Данте, определившие план Ада, дают важный импульс для формирования замысла романа «Мелкий бес», в котором мотив обмана (объединяющий, как известно, истории обитателей восьмого и девятого кругов дантовского Ада) становится сюжетообразующим, *жизнь* персонажей напоминает *смерть*, а сами персонажи – дантовских грешников.

Представление о смерти живущих в «Мелком бесе» акцентируется: в сологубовском городе живыми кажутся «только дети, вечные, неустанные сосуды Божьей радости над землею», но, пишет далее автор, «уже и на них налегла косность, и какое-то безликое и незримое чудище, угнездясь за их плечами, заглядывало порою глазами, полными угроз, на их внезапно тупеющие лица»¹⁴. Танатологические коннотации содержат и описания «печального, как бы не солнечного света» над городом, «безнадежно-обветшалых зданий» (84), топонимы, например, названия «ближайшего городка» *Сафата* (скорее всего, редуцированного названия библейской долины Иосафат, где будет происходить Страшный суд) и реки *Самородины*, явно ведущей свое происхождение от фольклорной реки *Смородины*, за которой – царство смерти.

Мысль о жизни-как-смерти поддерживает и комплекс приемов, определяющих поэтику образов персонажей. В числе наиболее устойчивых – сравнения героев с механизмами, автоматами, куклами, вещами, причем традиционные танатологические аспекты сравнения¹⁵ могут усиливаться экспликацией мотива смерти. Так, председатель уездной земской управы Кириллов производит впечатление «как будто спянного из двух половинок», и это восприятие героя как вещи или игрушки дополняют его «как бы неживые, оловянного блеска глаза» (98). С «хитро придуманной машинкой-докучалкой» сравнивается купец Тишков, кажущийся «уже умершим» (84). Танатологические мотивы сопутствуют и сравнениям героев с демоническими персонажами: например, неподвижные глаза Дарьи Рутиловой, напомнившей ведьму, уподобляются «кругам мертвой луны» (137), а ее «горланье» – «пенью» выпущенного из могилы мертвеца (136).

Наиболее последовательно и явно усиливаясь мотив смерти звучит в повествовании о главном герое Передонове. Более значителен и комплекс приемов, указывающий на «мертвенность» героя. «Мертвенными» автор называет его чувства (85), «мертвыми» – глаза (85, 195, 222 и др.), «растлевающим и умертвляющим аппаратом» – сознание,

ибо «все доходящее до его сознания претворялось в мерзость и грязь» (85)¹⁶. Передонов сравнивается с «заведенной в пляс куклой» (194, 195) и с механизмом (34), причем каждое сравнение дополняется танатологическими мотивами (см.: «механически, как на неживом», прыгают на носу Передонова золотые очки (32); на «неподвижном лице» героя не было никакого выражения, «как у заведенной куклы <...>, и только какой-то жадный огонь мертво мерцал в глазах» (195)). Мотив смерти героя эксплицируется в его сравнениях с «ходячим трупом» или «трупом, движимым внешними силами» (202, 237).

Доминирующая в «Мелком бесе» тема жизни-как-смерти – одна из сквозных в творчестве Сологуба. Она обретает разные аспекты в романах писателя, его поэзии и публицистике. Мысль о духовной смерти современников нередко эксплицируется, например, в афоризме 1905 г.: «Царствуют мертвые»¹⁷ (возможно, являющемся реминисценцией из первой кантики «Божественной Комедии»: обитатели Ада называют его «царством умерщвленных»¹⁸). Еще ранее та же мысль звучала в стихотворении 1897 г. «Живы дети, только дети...» – своего рода поэтической версии рефлексий повествователя в «Мелком бесе». Позднее, в статьях 1918 г. «Без праздника» и «Крещение грязью», Сологуб опишет приметы духовной смерти современников и укажет ее причины, причем «Передоновыми» назовет тех, кто «тупо и самоуверенно портили работу» немногих пытающихся воскресить духовных мертвецов¹⁹.

Тема духовной смерти, безусловно, еще один знак гоголевского присутствия в «Мелком бесе»: это явная аллюзия на поэму «Мертвые души», справедливо признанную исследователями прецедентным текстом романа Сологуба²⁰. Но танатологическая доминанта и в описании соотечественников в статьях, и – ранее – персонажей романа «Мелкий бес», а также формы ее репрезентации в романе имеют, несомненно, и еще один источник (знаковый, в свою очередь, и для гоголевской поэмы) – первую кантику «Божественной Комедии» Данте – «Ад», параллели с которой не только существенно расширяют круг танатологических мотивов, но и, дополняя их «адскими» коннотациями, позволяют уточнить представление о замысле сологубовского романа.

Это мотивы *грязи, болота, мрака, слепоты, безумия* и сравнения с *животными* – опорные уже в начале повествования о Передонове. К первой кантике «Божественной Комедии», как уже отмечалось выше, скорее всего, восходит и мотив *обмана*, сквозной и сюжетообразующий в сологубовском романе.

Прежде всего, отметим дантовские – танатологические и «адские» – коннотации мотива *грязи*. Это один из устойчивых в описании Передонова (а также его невесты Варвары) мотивов, и он имеет двойной смысл. Грязь – и метафора душевной нечистоты героев (автор называет Передоно-

ва и Варвару «грязными людишками» (57), имея в виду их нравственную «грязь», их порочность, и характерная примета их бытовой жизни, даже своего рода «идеал», ибо Передонову хотелось все чистое «испакостити», и он «смеялся от радости, когда при нем что-нибудь пачкали» (85).

Эта повторяющаяся подробность в повествовании о Передонове не только дополняет психологический рисунок образа сологубовского героя, неизменно злобного, угрюмого, желающего «ничего не делать и, замкнувшись от мира, ублажать свою утробу» (85), но и, думается, призвана напомнить о его адских «двойниках» – «грязном люде» (чревоугодниках и «грешниках злой воли»)²¹, терпящих наказание в «грязной гуще»²², в «грязнейшей из клоак»²³, в третьем и пятом кругах Ада.

Мотив грязи в описании дантовских чревоугодников и «грешников злой воли» также имеет двойной смысл: грязь и смрад – «праведное наказание», которое соответствует «преступлению»²⁴: чревоугодники, по словам комментаторов, «плавают» «в отвратительной грязи», потому что «в жизни погружались в грязь»²⁵. И та же «логико-аллегорическая связь» между «образом вины» и «образом кары»²⁶ определяет акцентирование мотивов грязи и болота и в описании «грешников злой воли», «гневных и сердитых», томившихся в пятом круге – «в грязных болотах Стикса»²⁷, превративших тех, кто «не украсил память добротой»²⁸, в «грязный люд».

Устойчивая «адская» семантика мотивов грязи и болота позволяет увидеть дополнительный – танатологический и «адский» – смысл и в именовании Передонова и Варвары «грязными людишками», и в размышлении повествователя о Передонове: «Но, видно, вязко было то болото, куда залез Передонов, и никакими чарами не удавалось перебултыхнуть его в другое» (63). Историю своего героя Сологуб рассказывает как будто с «оглядкой» на дантовских грешников – двойников Передонова.

На эту же «оглядку» может указывать и сравнение Передонова со *свиньей*, повторяющееся в романе (22, 48, 49, 206 и др.), причем дантовские аллюзии не исключают, а дополняют евангельские, гётеанские, Достоевские коннотации сравнения. В дантовском «Аде» образ свиньи тоже устойчиво возникает в описании чревоугодников и «грешников злой воли». Чревоугодник, рассказывающий Данте свою историю (VI песнь), был прозван согражданами Чьякко (Сiассо), что, как отметили комментаторы, «значит просто свинья; обычное в то время прозвище людей этого рода»²⁹. «Погружены, как свиньи, в тину»³⁰ и «грешники злой воли».

Аллюзией на описания дантовских грешников, «приниженных почти до скотства» (по выражению комментаторов³¹) или даже превратившихся в животных (свиней и псов), может быть и устойчивая замена слова «лицо» (в высказываниях самих персонажей, в том числе Передонова, об их собственных лицах) на «хари», «морды», «рожи»

(22, 49, 121, 187). В первой кантике скотоподобие мертвых грешников, ставшее следствием их пороков, эксплицировалось (Данте и Вергилий называли грешников «скотами» или «псами»³²) и имплицитно утверждалось с помощью звуковых мотивов (грешники «воют» или «лают»³³). И, думается, эти «адские» смыслы зооморфных мотивов отзываются в описании не только Передонова, но и других сологубовских персонажей, напоминающих в некоторых эпизодах (например в сцене маскарада) стаю псов или стадо свиней (272–273).

Скорее всего, не только дионисийские, евангельские или гоголевские, но и дантовские (танатологические и «адские») коннотации имеют в романе Сологуба и мотивы безумия (Вергилий называет Ад местом мучения «утративших дар разума небесный»³⁴) и «слепоты» (знака неспособности видеть смысл явлений и жизни в целом), причем мотив «слепоты», устойчиво сопутствующий Передонову, распространяется автором романа на современников: Передонов «был слеп», пишет Сологуб, как «многие из нас» (211).

Данте описывает Ад именно как «мир слепой»³⁵, хотя слепота грешников – особенная: они не могут видеть то, что рядом (так, чревоугодник по прозвищу Чьякко обретает способность видеть Данте только во время рассказа о себе: «Недвижный взор, уставясь на меня, / Померк спустя мгновение, и, словно / Другие, он ослеп <...>»³⁶), но видят «издалека», т. е. знают будущее, причем в X песне это представление акцентируется³⁷.

Можно предположить, что это соединение мотивов слепоты-незнания и зрения-знания трансформируется (в том числе и травестируется) в «Мелком бесе»: «слепой», неспособный видеть-понимать явления действительности Передонов описывает жизнь «через двести или через триста лет», когда «люди сами работать не будут», а «на всё машины будут». Характерно, что сологубовский герой убежден в том, что он доживет до этого времени (253), и эта безумная вера также может указывать на принадлежность Передонова миру смерти.

Формируемое благодаря дантовским мотивам имплицитное уподобление жизни героев «Мелкого беса» адскому существованию – безусловно, не новация Сологуба: оно не только сопутствует, например, гоголевским персонажам, но и нередко эксплицируется в произведениях и русских³⁸, и западноевропейских писателей. В частности, источником сологубовского представления могли быть и герценовские инвективы³⁹, и стихотворение в прозе О. Уайльда «The House of Judgment», герой которого – грешник, судимый Божьим судом по Книге своей жизни, не верит в то, что Бог отправит его в ад, ибо в аду он жил всю свою жизнь⁴⁰. Впервые опубликованное на русском языке в 1898 г. в журнале «Русское богатство», это стихотворение много лет спустя вошло в Полное собрание сочинений О. Уайльда, причем в переводе Ф. Сологуба (воз-

можно, отредактировавшего кем-то выполненный перевод⁴¹).

Но, думается, именно первая кантика «Божественной Комедии» открывает и глубинные смыслы сравнения жизни сологубовских героев с Адом, и суть новаций Сологуба, развернувшего традиционное сравнение и обосновавшего его не столько ужасами жизни или страданиями человека, сколько его греховностью. Сологубовские герои, прежде всего Передонов, не догадываясь об этом, превращают жизнь в адское существование, нисходя все ниже и ниже, но ведет их не Вергилий, а собственная порочность, «жажда злого»⁴².

Передонов действительно совершает все более тяжкие грехи, причем «адский» смысл этих грехов, последним из которых оказывается убийство «сотрапезника», позволяет понять истории дантовских грешников. В начале повествования Передонов отмечен теми грехами, которые дантовский Вергилий вслед за Аристотелем считал проявлением «несдержанности». Такие грехи, как утверждают комментаторы «Ада», «менее всех наказываются», потому что «причиной их является не злая воля, а недостаток сознания и власти над собой»⁴³. Но все очевиднее поступки сологубовского героя определяются «жаждой злого», вызывающей и «насилие», и «обман бесчестный»⁴⁴, наиболее сурово караемый в дантовском Аде, ибо он присущ только человеку и становится источником всего зла⁴⁵.

Многие поступки Передонова, хотя, безусловно, и травестировано, как будто повторяют грехи обманщиков («вообще людей» и «доверившихся»), описанные Данте: он – злой советчик (по его совету мажут дегтем ворота Вершиной), он – вор и при этом лжец и клеветник, так как обвиняет в воровстве кухарку. «Жажда злого» заставляет его клеветать на Сашу Пыльникову, приписывая ему пороки, клеветать на гимназистов их родителям и на знакомых – жандарму Рубовскому. Однако Передонов обманывает и «доверившегося», совершая то преступление, которое дантовский Вергилий считал «стократ черней, страшней и безобразней»⁴⁶, чем иные обманы: он убивает приглашенного в дом «друга» (287).

Как уже отметили исследователи, финал «Мелкого беса» содержит аллюзии на жертвоприношение Авраамом Исаака⁴⁷, убийство Пенфея⁴⁸, на сцены убийства в романе Достоевского «Идиот»⁴⁹ и романе Э. Золя «Завоевание Плассана»⁵⁰. Дополнительный смысл эпизода открывает XXXIII песнь «Ада», где рассказываются две истории об убийстве сотрапезников, совершенных Альберико и Бранко д'Ориа. Наказанием грешникам за измену «особенному доверию»⁵¹, за обман и убийство приглашенных на трапезу друзей или родных становятся не только их мучения в Толмее (в переводе Н. Голованова – Птолмее) – третьей области девятого круга, *перед дном* Ада, но и их «двойное» существование: «обманывая взоры» (воспользуемся выражением из перевода

М. Лозинского⁵²), их плоть, в которую вселяется «демон»⁵³, продолжает жить на земле, дух же в это время претерпевает муки в Аду. То, что Данте кажется в рассказе одного из убийц сначала «ложью нестерпимой» (ибо Бранко д'Ориа, уверяет он, «ки ест и пьет и ходит невредимо»⁵⁴ в мире живых), оборачивается страшной истиной.

Истории убийц и завершающие их слова Данте об Альберико («С чернейшею душой Романы здесь / Увидел замороженным в Коците / Я одного из вас, кого поднесь / Вы меж собой живым и здоровым зрите!»⁵⁵), по мнению исследователей, открывают «далекую перспективу»⁵⁶ следующим литературным поколениям. Можно предположить, что эта сюжетная идея, свидетельствующая о новых аспектах в представлениях о жизни и смерти, увлекает и Сологуба. Основания для такого предположения дают и само преступление сологубовского героя, и его фамилия – *Передонов*, как будто указывающая на его место в мире мертвых: *перед дном* (т. е. перед четвертой областью девятого круга – Джудеккой), где и пребывают обманувшие «доверившихся». Такие же дополнительные смыслы может иметь и количество глав романа: убийство сотрапезника Володина происходит в последней, XXXII главе. Напомним, что именно в тридцать второй – *от начала странствия Данте с Вергилием по Аду* – песне и описаны убийцы сотрапезников.

Убийство Володина, приглашенного самим Передоновым «пить чай» (286), кажется травестией убийств «сотрапезников», совершенных дантовскими грешниками. Но комические подробности не лишают сцену истинного драматизма. Характерно, что в этой сцене акцентируется мотив обмана. Слова Володина, признавшего Передонова жертвой обмана («Околпачили тебя, Ардаша <...>»), и вызывают желание у Передонова обмануть-убить самого Володина: «Я тебя околпачу! – свирепо зарычал Передонов» (287).

Это превращение Передонова, чревоугодника, сластолюбца, обманщика «вообще людей» в «жаждущего злого» клеветника и убийцу «доверившегося» позволяет говорить о том, что Сологубу оказывается близкой и дантовская этика, не совпадающая «и с церковными нормами, и с житейскими представлениями», и «строгая логика», определившая «нетривиальность распределения в “Комедии” грехов по кругам наказаний»⁵⁷.

Не включаясь в дискуссии по проблемам происхождения дантовских этических представлений и принципов, формирующих иерархию грехов, приведем только одно столкновение дантовской логики, позволяющее одновременно понять и возможную причину обращения к этике Данте Сологуба. Данте, по утверждению Ю. М. Лотмана, оценивал «грехи, заключающиеся в неправедных деяниях», как «менее тяжелые, чем все случаи лживого исполнения знаков», потому что «неправильные поступки причиняют единичное зло, нарушение предустановленных

знаковых связей разрывает саму основу человеческого общества и делает Землю царством Сатаны – Адом»⁵⁸.

Дантовская логика, как можно предположить, убеждает и Сологуба, но «царством Сатаны – Адом» предстает в романе сама земная жизнь, в которой обман и ложь стали нормой. Однако дантовская первая кантика позволяет понять не только глубинные смыслы доминирования мотива обмана, но и композиционный принцип, в соответствии с которым вторая сюжетная линия – история Саши Пыльникова – начинается только в XI главе. И в этой линии мотив обмана тоже будет определять динамику событий: сначала мальчика несправедливо обвиняют в обмане, затем его обманывает Людмила иллюзорной невинностью своих встреч с ним, а потом и сам Саша становится обманщиком, причем он обманывает не только словами, невинными интонациями, но и «лицом» (277), и своими «лживо-невинными» глазами (258).

История мальчика позволяет говорить о нем как о частичном двойнике Передонова. Саша как будто идет по следам (по тем же «кругам») героя-протагониста, повторяя его грехи: чревоугодие (Саша, по словам автора, «любил поесть», и «ему нравилось, что Людмила угощает его сладким» (160)), сладострастие, «насилие» (он «поколачивал» Людмилу (259)), обман. Саша оказывается «поддельщиком»⁵⁹ слов и людей, являясь в разных костюмах – мужских и женских.

Характерно, что «чистенькому» гимназисту сопутствует и мотив «болота»: в одном из снов Людмила слышит запах «теплой застоявшей воды и тины» и видит плывущего по «темной и зловеще спокойной» воде лебедя с лицом Саши (137). Возможно, и фамилия героя, образованная от слова *пыль*, указывает на его символическую связь с «грязным» Передоновым. Такие общие опорные мотивы в двух линиях не только представляют героев, кажущихся антиподами, частичными двойниками, но имплицитно создают образ-символ круга – еще одну дантовскую, «адскую» аллюзию, усиливающую «адские» коннотации в описании земного бытия.

Вероятнее всего, проведенными параллелями дантовский «слой» в «Мелком бесе» не исчерпывается. Но уже можно говорить о том, что первая кантика Данте является прецедентным текстом, участвующим в формировании замысла романа и его поэтики. Жизнь в изображении Сологуба действительно напоминает «царство Сатаны – Ад», пусть и травестированный, но по своему страшный, ибо при жизни «жаждет злого» «принижает» человека «почти до скотства», делает его «слепым» и «безумным». И в это нисхождение по кругам Ада вовлекаются все новые поколения, те, которые *кажутся* еще живыми.

Но одновременно аллюзии на первую кантику «Комедии», органично включающиеся в реминисцентный «слой» и обнаруживающие свою соотнесенность с дионисийскими, гоголевскими

ми, достоевскими и прочими мотивами, помогают писателю решить чисто символистскую задачу – «поставить всё являющееся в общий чертеж вселенской жизни»⁶⁰.

Примечания

- 1 См.: Davidson P. The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov : A Russian Symbolist's perception of Dante. Cambridge, 1989. P. 72.
- 2 См.: Силард Л. Дантов код русского символизма // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб., 2002. С. 162–205.
- 3 См.: Глухова Е. Еще раз о «дантовом коде» русского символизма. URL: https://library.by/portalus/modules/philosophy/readme.php?subaction=showfull&id=1109017125&archive=0217&start_from=&ucat& (дата обращения: 10.12.2019).
- 4 См.: Полонский В. Русский Данте конца XIX – первой половины XX в. : опыт рецепции и интерпретации классики до и после революционного порога // Литературоведческий журнал. 2015. № 2. С. 111–130.
- 5 Манн Ю. «Память смертная» : Данте в творческом сознании Гоголя // Манн Ю. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996. С. 436.
- 6 См.: Гольденберг А. «Гоголь и Данте» как современная научная проблема // Н. В. Гоголь и современная культура : Шестые Гоголевские чтения : материалы докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. (Москва, 31 марта – 3 апреля 2006 г.) / под общ. ред. В. П. Викуловой. М., 2007. С. 159–174.
- 7 См.: Шаталина Н. Библиотека Ф. Сологуба. Материалы к описанию // Неизданный Сологуб. Стихи. Документы. Мемуары. М., 1999. URL: [www:http://rulit.me/books/neizdannyy-fedor-sologub-read-307934-139.html](http://rulit.me/books/neizdannyy-fedor-sologub-read-307934-139.html) (дата обращения: 19.08.2019).
- 8 См.: Данченко В. Данте Алигьери. Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке. 1762–1972. М., 1973. С. 39.
- 9 Сологуб Ф. Тяжелые сны // Северный вестник. 1895. № 9. С. 29–30.
- 10 См.: «Ад» Данте Алигьери / пер. с ит. размером подлинника Д. Мина. М., 1855. С. 108–109.
- 11 Там же. С. 109–110.
- 12 Там же. С. 113.
- 13 Цит. по: Павлова М. Комментарии // Сологуб Ф. Тяжелые сны. М., 1990. С. 358.
- 14 Сологуб Ф. Мелкий бес. Рассказы. М., 2007. С. 84–85. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в скобках.
- 15 См.: Гиппиус В. Люди и куклы в сатире Салтыкова // Гиппиус В. От Пушкина до Блока. М. ; Л., 1966. С. 303–330.
- 16 Это сравнение представляет свернутый сюжет русской сказки о «нечистом», превращающем проклятые хозяевами золотые предметы в черепки и уносящем золото в «киной мир». См.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. Т. 2. М., 1985. С. 170–171.
- 17 Сологуб Ф. Афоризмы. Достоинство и мера вещей /

- вступ. заметка и публ. М. Павловой // Неизданный Сологуб. URL: www.rulit.me/books/neizdannyy-fedor-sologub-read-307934-44.htm (дата обращения: 19.08.2019).
- 18 Данте Алигьери. Божественная Комедия. Ч. 1. Ад / пер. размером подлинника (терцинами) Н. Голованова. Изд. 2-е. М., 1899. С. 60.
- 19 Сологуб Ф. Без праздника. URL: http://az.lib.ru/s/sologub_f/text_0360.shtml (дата обращения: 19.08.2019).
- 20 См.: Минц З. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 89.
- 21 Данте Алигьери. Божественная Комедия. Ч. 1. Ад. С. 58, 59.
- 22 «<...> мы проходили грязной гущей / Из ливня и духов» (Там же. С. 47).
- 23 Там же. С. 42, 43.
- 24 Веселовский А. Данте // Данте : Pro et contra. Личность и наследие Данте в оценке русских мыслителей, писателей, исследователей : антология. СПб., 2017. С. 688.
- 25 Данте Алигьери. Божественная Комедия. Ч. 1. Ад. С. 42.
- 26 Аверинцев С. Ад // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 39.
- 27 Скартаччини И. Данте / пер. О. Введенской. СПб., 1905. С. 138.
- 28 Данте Алигьери. Божественная Комедия. Ч. 1. Ад. С. 58.
- 29 Там же. С. 45.
- 30 Там же. С. 58.
- 31 Там же. С. 47.
- 32 Так, Данте обращается к «гневному», ставшему «духом грязным»: «Но кто ты, оскотившийся, как пес?», и далее называет его «скотом». «Псом» называет «духа в грязи» Вергилий: «Ты пес, ступай же к псиной стае!». И он же уподобляет «рой грешников» «свиньям», погруженным в тину (Там же. С. 57, 58).
- 33 Там же. С. 52, 51.
- 34 Там же. С. 19.
- 35 Там же. С. 27.
- 36 Там же. С. 47.
- 37 См. объяснение слепоты одним из обитателей Ада: «"Как те, у коих зрение плохое, / Мы видим", он сказал, – "издалека / Нам только знать даровано судьбою. / Но лишь оно приблизится слегка, / Наш бедный разум слепнет скоротечно <...>"» (Там же. С. 75).
- 38 См.: Илюшин А. Реминисценции из «Божественной комедии» в русской литературе XIX в. // Дантовские чтения. 1968 / под общ. ред. И. Бэлзы. М., 1968. С. 152.
- 39 См. размышление А. И. Герцена в статье «Император Александр I и В. Н. Каразин» (1862): «Русская жизнь стоит леса, в котором Данте заблудился, и дикие бесстии такие же есть, даже гаже флорентийских; но нет Вергилия» (Цит. по: Голенищев-Кутузов И. Данте в России // Голенищев-Кутузов И. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971. С. 463).
- 40 См.: Динео. Из Англии // Русское богатство. 1898. № 8. С. 199.
- 41 См.: Стрельникова А. «Стихотворения в прозе» О. Уайльда в переводе Ф. Сологуба // Сиб. филол. журн. 2013. № 3. С. 88–92.
- 42 Данте Алигьери. Божественная Комедия. Ч. 1. Ад. С. 79.
- 43 Там же. С. 78.
- 44 Там же. С. 79.
- 45 См.: Назаров В. Этическая структура и моральная символика Ада в «Божественной Комедии» Данте // Этическая мысль. 2017. Т. 17, № 2. С. 93.
- 46 Данте Алигьери. Божественная Комедия. Ч. 1. Ад. С. 80.
- 47 См.: Силард Л. Федор Сологуб и наследие герметизма в России начала XX века (к символике «Творимой легенды» // На рубеже двух столетий. Сборник в честь 60-летия А. В. Лаврова / сост. В. Багно, Д. Малмстад, М. Маликова. М., 2009. С. 608.
- 48 См.: Розенталь Ш., Фоули Х. Символический аспект романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Русская литература XX века. Исследования американских ученых : сб. ст. : пер. с англ. СПб., 1993. С. 23.
- 49 См.: Минц З. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов. С. 89.
- 50 См.: Мокина Н. «Завоевание Плассана» Э. Золя и «Мелкий бес» Ф. Сологуба : к проблеме функций «чужого слова» в символистском романе // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 201. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-198-203>
- 51 Данте Алигьери. Божественная Комедия. Ч. 1. Ад. С. 240.
- 52 Данте Алигьери. Божественная Комедия / пер. М. Лозинского. М. ; Л., 1950. С. 140.
- 53 «И демон плоть того животворит, / Кто запятнал себя измены делом» (Данте Алигьери. Божественная Комедия. Ч. 1. Ад. С. 240).
- 54 Там же. С. 241.
- 55 Там же.
- 56 Полуяхтова И. Античные боги в «Божественной Комедии» и лирике Леопарди // Дантовские чтения / под ред. А. А. Илюшина. М., 2005. С. 127.
- 57 Лотман Ю. Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семиосфера – История. М., 1999. С. 255.
- 58 Там же. С. 256.
- 59 Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. М. Лозинского. С. 444.
- 60 Сологуб Ф. Искусство наших дней. URL: http://az.lib.ru/s/sologub_f/text_1915_iskusstvo_nashih_dney.shtml (дата обращения: 10.10.2014).

Образец для цитирования:

Мокина Н. В. Дантовские мотивы в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 201–206. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-201-206>

Cite this article as:

Mokina N. V. Dante's Motives in the Novel *The Petty Demon* by Fyodor Sologub. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 201–206 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-201-206>